

Инна Майорова

ВОМБАТ ГРАД.

ИСТОРИИ МАЛЕНЬКИХ
ГЕРОЕВ

Инна Майорова

**ВОМБАТ ГРАД. ИСТОРИИ
МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ**

«Автор»

2026

Майорова И.

ВОМБАТ ГРАД. ИСТОРИИ МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ /
И. Майорова — «Автор», 2026

Эта книга — не инструкция по воспитанию. Она — тёплый мостик между «как правильно» и «как на самом деле». Торопыга учится ждать. Ворчун — улыбаться. Трусишка — рисковать. А тихий кролик слышит то, что другие не говорят. Кролик Тим, белка Соня, вомбат Винсент и их друзья ссорятся, мирятся, строят мосты и пекут пиццу с кривыми краями. Более 20 сказок, которые родились не из учебников, а из живого материнства. В каждой истории автор превращает сложные вещи (характер, эмоции, страхи) в понятный и тёплый сюжет. Без назиданий. С улыбкой. Для детей, которые чувствуют глубже, чем могут сказать. И для родителей, которые ищут не волшебную таблетку, а живой разговор.

© Майорова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Тот, кто слышит сердцем.	5
Глава 2 Плот для всех эмоций.	8
Глава 3 Маленькие секреты большой команды.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Инна Майорова

ВОМБАТ ГРАД. ИСТОРИИ МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ

Глава 1 Тот, кто слышит сердцем.

В уютном Вомбат-граде, где улицы выстланы мягким серебристым мхом, а по утрам воздух пропитан ароматом эвкалиптового чая из семейного кафе "Белый Кролик", жил кролик Тим – самый необычный житель этого дружелюбного городка.

Его длинные уши, похожие на два шелковистых опахала, всегда были чуть наклонены вперёд – будто он прислушивался не к словам, а к чему-то более важному: к шелесту листьев, журчанию ручья или даже к икающим звукам зимородка где-то вдали.

Тим не был похож на других, и это было заметно во всём:

Его дом, аккуратный и небольшой, стоял чуть в стороне. Вместо ярких украшений на лужайке росли полезные травы – мята для успокоения, ромашка для чая и даже маленький кустик земляники, который он бережно укрывал от птиц.

Его привычки раздражали соседей: пока все играли в догонялки, Тим сидел под дубом, разбирая кору и находя под ней удивительные вещи – узоры, похожие на звёзды, или спрятавшихся жучков.

Его молчание считали странным. Но если бы кто-то понаблюдал за ним внимательнее, то заметил бы, как светятся его глаза, когда он находит решение, и как ловко его лапки справляются с тем, что другим кажется сложным.

Да, Тим не кричал, не смеялся громко и не лез первым в драку.

Но именно он:

Помнил, что Соне нельзя орехи – у неё аллергия, и тихо подкладывал ей вместо них сушеные яблоки.

Знал, что Винсент боится грозы, и мастерил для него "шумопоглотители" из шишек.

Видел, что коала Кевин плохо видит буквы, и переписывал для него задания крупными печатными буквами.

Он не был похож на других:

Белка Соня болтала без остановки, а Тим молча собирал самые сладкие ягоды для всех.

Вомбатик Винсент обожал шумные игры, а Тим изобретал тихие качели, которые качались от ветра.

Коала Кевин смеялся: "Ты как тень — всегда один!"

Но когда:

У Сони сломался ее домик — Тим починил его, пока все спорили, "кто виноват".

Винсент потерял любимый мяч — Тим нашёл его в густой траве.

Но никто не замечал его доброты. До того дня, пока на окраине Вомбат-града не появился Чужестранец.

Это был испуганный вомбат-альбинос — весь белый, с розовыми глазками, будто призрак из сказок. Он дрожал от холода, хотя стояло лето и всё время прикрывал мордочку лапами.

Белка Соня запрыгнула на дерево: "Он как привидение! Это же ненормально — быть белым вомбатом!"

Вомбатик Винсент спрятался за спину Варана Альберта: "А вдруг он заразный?"

Коала Кевин просто фыркнул: "Опять этот Тим с его странными друзьями..."

Тим подошёл первым.

Он видел:

Следы на песке — Чужестранец шёл издалека, спотыкаясь
Потрепанную сумку с резными деревянными фигурками
Глаза, полные усталости — не страха, а именно усталости от чужих взглядов
— Тебе помочь? — Тим снял свой клетчатый шарф и протянул его. — У нас в кафе греют чай с мёдом...

Чужестранец оказался странствующим художником. В его сумке были: миниатюрные фигурки всех, кого он встречал, ножичек для резьбы — старый, но острый, кисти и краски.

А ещё — глухота от рождения. Поэтому он: не слышал насмешек, чувствовал вибрацию шагов, потому и испугался толпы, говорил руками — вырезал то, что не мог выразить словами.

Чужестранец остался в городе на два дня — отдыхал в тени эвкалипта и потихоньку вырезал фигурки, наблюдая за жителями. Когда настало время уходить, он разложил на поляне целую семью деревянных фигурок — каждая со своим характером, а в центре стоял Тим с янтарным сердцем.

Все фигурки были из розового эвкалипта, пахли мёдом и терпением.

Если приглядеться, на основании каждой было выцарапано "Спасибо".

Вомбат Винсент с мячом, но с трещиной — символ его страха.

Белка Соня с разбитым орехом, её тайная неуверенность.

Кролик Тим — с прозрачным янтарем вместо сердца, чтобы светил в темноте.

Коала Кевин — сидел на ветке, но одна лапа крепко сжимала ствол, как будто боялся упасть, хотя никогда в этом не признавался. На спине у него была вырезана маленькая царапина — как намек на его тайные переживания.

Кенгурёнок Бунди — замер в прыжке, но вместо радости на мордочке было удивление. В сумке у него лежало зеркальце — символ того, что он часто повторял чужие слова, не задумываясь.

После истории с белым вомбатом многое изменилось... но не для Тима.

Белка Соня по-прежнему говорила: "Тим, ну почему ты никогда не кричишь "ура", как Винсент? Это же так весело!"

Вомбатики Винсент дразнился: "Эй, Тимка-Молчун! Давай, скажи хоть слово!"

Коала Кевин втайне спрятал его морковку, хихикая: "Пусть попросит! Или так и будет молчать?"

Тим не стал спорить. Он нарисовал на песке грустную морковку с "?" — как будто спрашивал: "Почему нельзя просто быть собой?"

На занятии у варана Альберта дети учились описывать эмоции:

— Радость — это когда прыгаешь до неба! — кричал Винсент.

— Грусть — если хвостик как мокрая верёвка, — сказала Соня.

Тим молча подошёл к доске и нарисовал:

Солнце с тучкой — "Когда тебе хорошо, но никто не замечает"

Росток сквозь асфальт — "Когда веришь, даже если трудно"

Класс затих.

Даже Кевин перестал жевать листья.

Варан Альберт мудро кивнул и обвел класс взглядом:

"Видите, мои юные ученики? Сердце иногда говорит тише, чем рот. Чтобы понять друга, нужно:

Смотреть — как Тим смотрел на следы белого вомбата

Думать — почему он рисует солнце с тучкой

Пробовать снова — ведь доброте, как чтению, учатся постепенно

Сегодня мы поняли рисунки Тима. Завтра научимся видеть грусть в опущенных ушках. Послезавтра – замечать, когда кому-то больно без слёз. Главное – не забывать повторять, как мы повторяем таблицу умножения."

Он достал цветные мелки и раздал всем:

"Давайте потренируемся прямо сейчас. Нарисуйте, что чувствует сейчас ваш сосед. А потом проверим – угадали?"

Утром Варан Альберт принес в класс "ящик тихих сообщений":

— Можно писать, рисовать, класть камешки/листки.

— Правило: раз в день все их разбирают вместе.

Соня положила записку: "Тим, прости за "болтовню". Хочешь, научусь молчать?"

С тех пор в Вомбат-граде появилась новая традиция.

Каждое утро, когда солнце только поднималось над эвкалиптами, Тим приходил к дубу на поляне. Он вешал на ветку доску для рисования и мелками писал:

"Сегодня я чувствую..."

И постепенно к нему стали присоединяться другие:

Винсент рисовал гнев в виде тучи, которая таяла на солнце

Соня изображала свою радость как взрыв конфетти

Даже Кевин однажды нарисовал маленького коалу на высокой ветке – и впервые признался, что боится высоты

А белый вомбат-художник, уходя, оставил на поляне "Скамейку тихих разговоров" – с вырезанными на спинке словами:

"Самые важные слова часто те, что не произносят вслух."

Когда вечером варан Альберт проходил мимо, он видел, как:

Тим и Винсент молча чинили домик для птиц, один держал гвозди, другой – молоток.

Кевин подкладывал Соне орешки без аллергенов.

А Бунди наконец-то нёс в сумке не зеркальце, а книжку сказок.

И тогда Альберт улыбнулся – ведь теперь весь город потихоньку учился говорить на языке Тима.

А на следующий день история повторялась. Потому что понимание – как росток сквозь камень: ему нужно время, солнце и много-много терпения.

Глава 2 Плот для всех эмоций.

Солнце только поднялось над Вомбат-градом, золотистыми лучами пробиваясь сквозь кружево эвкалиптовых листьев. Утренний туман, словно стыдливый зверёк, ещё прятался в ложбинках, а первые птички трели только начинали вышивать узоры.

Белка Соня, обычно просыпающаяся самой последней, сегодня открыла глаза с первыми лучами. Что-то щелкнуло в ее чутком сердечке, будто лесной орешек, упавший не на мягкий мох, а на звонкое стекло. Она потерла лапками сонные глазки и вдруг замерла — воздух сегодня пах не просто росой и мёдом, а чем-то... другим.

— Тим? — осторожно позвала она, заметив знакомые уши, торчащие из-за пня. — Ты почему такой... разноцветный?

— Тим, — осторожно тронула она кролика за плечо, — твои уши... они сегодня не розовые, а сине-зелёные.

Её голосок, обычно звонкий, потерялся в утренней тишине. А над ручьём... над ручьём висела странная дымка — не голубая, не серебристая, а точно такого сине-зелёного оттенка, как уши Тима.

— Э-это... — начала было Соня, но тут ветер донес запах — горький, как кора ивы. Запах грусти, которую нельзя спрятать, даже если очень стараться.

Тим молча развернул блокнот. На странице плескалось чернильное море, а в центре — маленький кролик на обломках плота.

— Ой, да это же... — начала Соня, но её перебил вомбат Винсент, ворвавшийся с грохотом:

— Все на выход! Сегодня же поход к Водопаду Шёпота!

Он замер, увидев рисунок. Его весёлые глазки вдруг покраснели по краям:

— Опять эти твои каляки-маляки! — рявкнул он, топая лапой. — Мы должны были выйти полчаса назад!

Ёжик Ерик, обычно такой колючий, вдруг съежился:

— Это я... я вчера сказал, что его плот никуда не годится... — прошептал он, и его иголки поникли от вины.

Только коала Кевин продолжал жевать лист, наблюдая за всеми с живым интересом:

— Эй, а если... — он вдруг оживился, — мы построим новый плот? Но не просто плот, а... корабль настроений!

— Корабль настроений? — хмыкнул Винсент.

— Да! — сказала Соня, её хвост закрутился вихрем радости. — Каждый принесёт то, что у него внутри!

Так началось волшебство.

Солнце уже стояло в зените, когда зверята приступили к работе.

Винсент с грохотом тащил кривые, но крепкие сучья, выкрикивая:

— Да кому вообще нужен этот Корабль настроений?! — и тут же вколачивал их в основу так яростно, что искры летели.

Соня, кусая губу, сплетала лозу:

— А если мы перевернемся? А если... — её лапки дрожали, делая петли то слишком тугими, то слабыми.

— Дыши, — прошептал Тим и положил ей на плечо ракушку. Та заиграла тихую колыбельную — и пальцы Сони сами вывели идеальный узел.

Из надломленной ветки эвкалипта сочилась прозрачная смола, медленно скатываясь в деревянное корытце — капля за каплей. Ерик сидел неподвижно, собирая ее.

— Это же... как слёзы дерева, — прошептала Соня, осторожно прикасаясь к капле.

— Нет, — покачал головой Тим, — это слёзы ёжика. Только он их прячет в иголках.

— Зато теперь склеит новый плот, — хмыкнул Кевин

Кевин, забыв о баловстве, увлеченно примерял листья:

— Этот слишком колючий, этот пахнет скукой... О! — Он сорвал золотистый эвкалиптовый лист. — Вот он — пахнет приключениями!

Кролик Тим молча раскладывал ракушки по носу плота. Когда Винсент спросил "зачем", он повертел одну в лапках — и та заиграла мелодию ветра.

После долгих часов совместного труда, необычный плот наконец коснулся воды.

Поначалу плот лишь робко покачивался у берега, будто не веря, что может держаться на плаву.

— Неужели... получилось? — прошептала Соня, сжимая в дрожащих лапках остатки лозы.

В этот момент первая волна ласково подхватила плот и он плавно заскользил по зеркальной глади.

— У-у-ух ты! — крикнул Винсент, в последний момент ухватившись за мачту, когда плот дернулся. Он задрожал от восторга. — Да мы же... мы же гении! — И тут же, покраснев, добавил: — Ну, Тим, конечно, молодец...

Соня закрыла глаза, когда плот отплыл, и вдруг... рассмеялась. Ее смех зазвенел, как колокольчики:

— Ой, а ведь он действительно держится! Я думала, моя тревожная лоза всё испортит...

Ежик Ерик молча ткнул лапой в смоляные швы, проверяя крепость. Потом неожиданно ущипнул себя за иголку:

— Ой! Значит, не сплю...

Кевин вдруг вскочил на нос плота и закричал:

— Эй, ручей! Смотри, кто к тебе в гости приплыл! — И тут же поскользнулся и кувыркнулся.

Тим не сказал ни слова. Просто прижал лапки к груди и глубоко вдохнул. Но его уши, ещё утром поникшие, теперь радостно подрагивали, а в уголках глаз сверкали золотистые искорки.

И вдруг ракушки Тима зашевелились, словно живые, и мягко зазвенели, подхваченные легким ветерком. Звук был настолько нежным, что даже Винсент замер, широко раскрыв глаза.

"Это же..." - прошептала Соня, прижимая лапки к груди.

Вдруг одна из ракушек упала в воду. Но вместо того, чтобы утонуть, она засверкала и превратилась в серебряную нотку, которая затанцевала на поверхности.

"Они... поют!" - воскликнул Ерик, и его колючки неожиданно разгладились от удивления.

Одна за другой ракушки срывались с плота, превращаясь в музыкальные волны. Грусть Тима, такая тяжёлая ещё минуту назад, теперь качалась на воде легкими переживаниями, смешиваясь с громкими барабанными ударами (гнев Винсента), с тревожным, но красивым перебором струн (Сонины переживания), с глубокими виолончельными нотами (вина Ерика), с весёлым пересвистом флейты (интерес Кевина)

Кевин первый начал притопывать в такт, а скоро все непроизвольно закивали головами под эту странную, но такую родную мелодию.

"Так вот что значит..." - начал Винсент, но Тим уже показывал новый рисунок: где каждая эмоция стала своим инструментом в оркестре.

Соня осторожно подняла одну оставшуюся ракушку к уху - и её глаза округлились:

"Она... она играет нашу песню! Ту самую, что мы только что..."

"Это музыка нашего плавания," - тихо закончил за неё Тим, впервые за день заговорив вслух.

Вода вокруг плота светилась всеми цветами радуги, отражая их удивленные мордочки. Даже Винсент не смог сдержать улыбки.

Плот мирно покачивался на волнах, когда тёмная туча накрыла солнце.

— Это же... не просто дождь, — прошептала Соня, цепляясь за мачту. Капли звенели, как разбитое стекло, а ветер выл.

— Остров! — вдруг крикнул Кевин. — Там... светятся огни!

Плот неожиданно прибило к таинственному острову, где деревья росли кривыми — будто склонились под тяжестью чьей-то вины, воздух пах пережаренными орехами, так пахнет застарелый гнев.

— Фу, какое противное место! — сморщился Винсент, но тут же замолчал — его слова повисли в воздухе.

— Здесь... нельзя врать, — сказал Тим, увидев на берегу камень с надписью. Надпись на камне гласила: "Только правда играет здесь музыку".

Но когда они причалили, оказалось — это не огни, а Остров забытых мелодий.

У входа на остров стояли каменные врата с вырезанными нотами. Когда ветер касался их, камни начинали петь тонкими, дрожащими голосами:

«Сиди тихо...», «Не прыгай, упадешь!»

— Это же... голоса наших взрослых, — догадалась Соня. — Те самые слова, что запрещали нам шуметь.

Деревья скрипели обидами («Меня не оценили...»).

Даже ручей бормотал: «Я недостаточно хорош...»

— Здесь живут эмоции, которым не дали голоса, — догадался Тим, поднимая ракушку-подсказку.

Винсент увидел Пещеру Гнева и вошел в нее.

Стены кричали его же словами:

«Да как ты мог?!», «Я тебя НЕНАВИЖУ!»

— Это... я? — Винсент задрожал.

Он взял молоток, который лежал у входа и выковал из криков колокол. Теперь его гнев звал друзей на помощь, а не отталкивал.

Белка Соня у самого входа в Пещеру Гнева повернула направо и вошла в Зеркальный зал.

Бесконечные отражения шептали:

«А вдруг они смеются надо мной?», «Я скажу глупость...»

Она разбила одно зеркало — и все тревоги сложились в мозаику с надписью: «Твой голос важен».

Ежик Ерик свернул налево и вошел в Тронный зал Пещеры.

На троне сидел... он сам, но в короне из шипов.

«Ты всех ранил», — гудели стены.

Он снял корону и сплел из неё мостик через озеро слез.

Коала Кевин увидел в Пещере Пустую сцену

«Где же мои зрители?!» — закричал он в отчаянии.

Тим подал ему последнюю ракушку — та заиграла, и тени стали аплодировать.

Когда испытания закончились:

Каменные врата с вырезанными нотами запели новую песню — про смелость. Деревья распрямились, сбросив кору-броню. Даже ручей засмеялся: «Я — прекрасен!»

— Теперь он Остров найденных голосов, — написал Тим в блокноте.

Когда они отплывали, остров растворился в тумане... но:

Винсент теперь считал до десяти, прежде чем кричать.

Соня носила браслет из лесных ягод (напоминание: "Тревога — не прогноз").

Ерик специально ломал одну колючку в день — для новых мостиков.

Кевин пел — даже если фальшивил.

А Тим... Тим нарисовал карту с надписью:

"Остров внутри нас. Возвращайтесь, когда забудете язык своих эмоций".

Глава 3 Маленькие секреты большой команды.

Утро в Вомбат-граде начиналось как волшебство - такое же естественное и необходимое, как дыхание. Солнце, словно заботливый воспитатель, ласково гладило крыши домиков, а по веткам эвкалиптов скакали весёлые капли росы, будто маленькие игроки в догонялки. Ведь что такое детство, если не вечная игра? Так же, как ручейки учат камни быть гладкими, а ветер - деревья быть гибкими, игра учит детей самому главному - понимать друг друга.

Накануне вечером друзья сидели на ступеньках веранды у дома коалы Кевина, горячо обсуждая правила новой игры. Вомбат Винсент, всегда уверенный в своей правоте, настаивал на сложных условиях. Кенгурёнок Бунди путался в объяснениях, а ёжик Ерик и вовсе хотел отказаться от участия. Белка Соня, обычно такая весёлая, на этот раз беспокойно теребила хвостик — её младший кузен Зиппи никак не мог запомнить правила. Только кролик Тим молча наблюдал за спором, изредка делая заметки в своём блокноте. Коала Кевин, глядя, как разгорается спор, твердо решил — завтра всё должно измениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.